

Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры Теории и истории российского и зарубежного права
Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой Теории и истории российского и зарубежного права
Шестопал Сергей Станиславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры Теории и истории российского и зарубежного права.
*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru)*

Аннотация. Изучение сущности и содержания Российского правового менталитета имеет очевидную теоретико-практическую значимость. Политические преобразования конца прошлого века, произошедшие в нашей стране, заставил пересмотреть взгляды на коллективную правовую ментальную принадлежность. Осознание и идентификация национального правового менталитета позволяет понять прошлое, и предвидеть будущее развитие. Российский правовой менталитет как и правовая система является национальным правовым и культурным явлением. Континентально-европейский стиль правового мышления стал фундаментальным элементом правопорядка страны и оказал фундаментальное воздействие на формирования правового менталитета. Направление вектора развития национальной правовой системы и менталитета имеет турбулентный характер. За долгую историю своего существования Россия неоднократно испытывала процессы «деиерархизации» собственной правовой системы, процессы, связанные прежде всего с пересечением точки бифуркации, судорожные изменения в правовой системе, обусловленные политическими землетрясениями, как, например, в октябре 1917 года и в 90-е годы XX века. В настоящее время наблюдается тенденция к стабилизации системы национальной правовой базы России; современные оптимистичные прогнозы на будущее развитие институтов правового государства в России основываются на исключительно эволюционных преобразованиях ее правовой системы

Ключевые слова: Право, правовая система, правовая идентичность, правовое мышление, правовой менталитет России, правоментальность, политическая идентичность, глобализация, либерализм, консерватизм, власть, государство, институты, культура, общество.

ESSENTIAL CONTENT OF RUSSIAN LEGAL MENTALITY

Mordovtsev Andrey Yuryevich, Doctor of Law, Professor of the Department “Theory and History of Russian and international law”
Mamychev Alexey Yurievich, Doctor of Political Sciences, PhD. Legal Sciences, Head of the Department of Theory and History of Russian and international law
Shestopal Sergey Stanislavovich, PhD in legal sciences, associate professor of the Department of Theory and History of Russian and international law
*Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, Gogolya 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru)*

Abstract. The study of the essence and content of the Russian legal mentality has an obvious theoretical and practical significance. Political transformations of the end of the last century, which occurred in our country, made us reconsider our views on the collective legal mentality. Awareness and identification of the national legal mentality makes it possible to understand the past, and to foresee future development. The Russian legal mentality as well as the legal system is a national legal and cultural phenomenon. The continental-European style of legal thinking has become a fundamental element of the country's legal order and has had a fundamental impact on the formation of a legal mentality. The direction of the development vector of the national legal system and mentality has a turbulent character. Over the long history of its existence, Russia has repeatedly experienced the processes of “de-hierarchization” of its own legal system, processes associated primarily with the intersection of the bifurcation point, convulsive changes in the legal system caused by political earthquakes, such as in October 1917 and in the 90s XX century. Currently, there is a tendency to stabilize the system of the national legal framework of Russia; modern optimistic forecasts for the future development of the institution of the rule of law in Russia are based on purely evolutionary transformations of its legal system.

Keywords: law, legal system, legal identity, legal thinking, legal mentality of Russia, political identity, globalization, liberalism, conservatism, government, institutions, culture, society, political system, rights, state evolution, institutions, traditionalism, politics, postmodernism, socio-cultural transformations.

Avant-propos. В настоящее время вопрос о сущности и содержании Российского правового менталитета имеет очевидное теоретико-практическое значение. Политические преобразования конца прошлого века, произошедшие в нашей стране, заставил пересмотреть взгляды на коллективную правовую ментальную принадлежность. Осознание и идентификация национального правового менталитета позволяет понять прошлое, и предвидеть будущее развитие. Ведь именно стиль правового мышления, оказывает прямое влияние на структуру законов. Но что это за понятие?

Только относительно недавно понятие «правовое мышление», «правовой менталитет», стало предметом серьезной научной работы в России, хотя само понятие «мышление» была известна науке с незапамятных времен. Уже у Анаксагора понятие «νοῦς» (ум) с его близким смысловым содержанием, выступал в качестве первоначального элемента в устройстве мира [1]. Обсуждая, а порою и объясняя, сущность национально-

го правового менталитета, мы, по сути, объясняем самих себя, строя национальный философско-правовой базис частного права, способного защитить права граждан РФ, защищая их право на духовный смысл жизни.

«Генезис – это история становления и развития явления, представляющая собой органическое единство количественно или качественно различных исторических состояний (этапов)...» - таков основополагающий тезис методологии научного познания [2, 3, 4]. Для понимания такого понятия как российский правовой менталитет мы с неизбежностью должны рассматривать историю возникновения и становления правового сознания, формирующегося на Русской земле со времён возникновения первых регулярных отношений.

Становление и развитие того или иного суверенного государства, обеспеченного собственным сводом законов, всегда имеет индивидуальную историю. В поддержку этого тезиса сошлемся на формулировку Н.Н. Алексеева «Политические идеи... нельзя изучать вне

связи с той исторической обстановкой, в которой они родились и выросли, и, чтобы понять эту особую интуицию русским народом политического мира, следует начать с характеристики особенностей русской истории. Тема эта, как известно, старая, но доселе не утратившая своей остроты. Вокруг нее витает множество мифов...» [2]. Многократное изменение экономических формаций происходившие в России показали, что загадочный и «неформатированный» менталитет русского народа более устойчив к такого рода «революциям», чем государственная правовая система. Нам трудно согласиться с утверждением В.М. Сырых о том, что «так называемый цивилизационный подход не только не приближает юристов к пониманию и раскрытию внутренней логики истории права, а отдаляет от нее. Один внешний критерий периодизации истории права – «экономические отношения» цивилизационный подход пытается заменить рядом факторов и явлений (образ жизни человека, его мировоззрение, способы ориентации, система ценностей, и др.), которые влияют на правовое развитие весьма условно и в любом случае не так существенно, как экономика» [5]. Вспоминается цитата из предисловия к «К критике политической экономии» (1859) Карла Маркса «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». И разве мы («условно») ощущаем наше *национальное* бытие («общий дух нации»), которое составляет суть государства, объединяющее и экономику, и политику, и право?

Утверждения о необходимости изучения истории и построения настоящего и будущего, основанного на этом знании совсем не противоречат процессу эволюции. Как нам понять себя (российский правовой менталитет) не анализируя сложнейшие пути становления и развития российской государственности, невероятные сплетения путей эволюции азиатских и европейских народов, войн и бунтов «бессмысленных и беспощадных», периодов сильнейшего влияния церкви на государство и установления мирного сосуществование различных религиозных конфессий. «Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное естество: и его силу, и его дар, и его задание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа...» [6].

Национальный менталитет отражается в обычаях, традициях веками накапливаемый опыт, сохраняется в пословицах и поговорках, сказках и былинах; отражая правовую культуру людей. Далее национальные черты правового менталитета проявляются в национальных правовых понятиях в отношении политической и правовой действительности, государство, местное самоуправление, право, преступность, наказание, суд и т. д.

Проблемы юридической ментальности

Смысловая наполненность термина «правовая ментальность» сформировался в то время, когда оно еще находилось в пределах обыденного правового языка. Однажды это понятие оказалось в фокусе идейной и политической борьбы. Мы имеем в виду казус, возникший в истории французского правового сознания, когда в результате развернутой в 1897 - 1899 годах борьбы за пересмотр приговора по делу офицера генерального штаба - еврея А. Дрейфуса, который был обвинен в шпионаже в пользу Германии, национальная французская правовое сознание страны раскололась на два лагеря и страна фактически была на пороге гражданской войны. Правовая ментальность понималась как национально-правовое достояние. Научный термин «правовая ментальность» был введен в научном кружке Э. Дюркгейма, а затем в его журнале появилась рубрика «Групповая (коллективная) ментальность». Э. Дюркгейм использовал это понятие в своих поисках основ правового солидарности людей - массовых первичных субъектов правового сознания. Именно с этого времени, правовая ментальность начала существовать как научная и правовая категория

и понятие. Понятие «правовой менталитет», «правовая ментальность», (согласно Ф. Граус), являются родственными понятиями «правовая культура» или «правовая идеология». И следуя определениям Ф. Граус, правовой менталитет - это общая идейно-мировоззренческая модель традиционного регулятивного существования, функционирования, становления и развития долговременных норм правовой сознания как типичной национальной, что создает устойчивое, сформированное согласно обычаям, правовое поведение и правовые взгляды индивидов как правовых личностей в пределах традиционных групп субъектов правового сознания и культуры. Правовой менталитет не может быть монолитным, он очень часто противоречив, и создает специфические применяемые образцы, стереотипы правовых мыслей и правовых действий, он проявляется в наклонностях личности как субъекта правового сознания к определенным типам (по закономерностям ментального структурирования правового сознания и культуры в давние времена) нормативно-правовых реакций и является их регулятивным механизмом [7].

Понятие *политико-правовой менталитет* это многоликий Будда, его сущность проявляется во всем многообразии регулируемых правовым способом взаимодействиях внутри и вне государства. Порою он являет собою некоторое коллективное начало, консолидирующее внешнеполитическое направление национальных интересов (например, ситуация с Крымом в 2014г.), а порою проявляется в вопросах разрешения индивидуальных противоречий и отстаивании личностных правовых интересов. Немаловажную роль сыграл путь русского народа к христианству. Так в переходе из язычества, от бога Рода («Причина всех Причин, основатель и сущность мироздания»), который, согласно славянским преданием, являлся родоначальником (а значит родственником) всех славян, к христианству, сохранилось родственное отношение к Богу. Поэтому главенство божественного права на Руси не восторжествовало, но зато всякий правитель «помазанник божий» становился отцом-батюшкой для своего народа. При этом, когда и, если тот или иной правитель своими действиями (доблестью, принципиальностью, справедливостью, праведностью) вызывал уважение у народа, он мог рассчитывать на невиданную преданность и жертвенность своего народа. Поэтому, для народа с менталитетом сформированным сложнейшими хитросплетениями исторического развития, живущего в Европе, но так успешно присоединившего к себе огромные азиатские территории, невозможно применять схемы эволюционных процессов и методов, успешно работающих на Западе [8].

Известный русский философ, ярый сторонник либерализма, П.И. Новгородцев прекрасно осознавал влияние духовных смыслообразующих основ мировоззрения народа на формирование государственного строя. В статье «Демократия на распутье» он писал: «Демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью... вместо того, чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей... Мысль о том, что с разрушением старых устоев тотчас же водворяется истинная свобода (как в лабораторных условиях по желанию отдельных лиц или организаций) принадлежит анархической, а не демократической теории... По существу своему, как мы сказали, демократия есть самоуправление народа; но для того, чтобы это самоуправление не было пустой фикцией, надо, чтобы народ выработал свои формы организации. Это должен быть народ, созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению. Такая высота политического сознания никогда не дается сразу, она приобретается долгим и суровым опытом жизни» [9]. Н.А. Бердяев, великий русский религиозный и политический философ, размышляя о демократии в России, писал: «Из глубокого кризиса демократии не

может быть выходов исключительно политических или социальных. В европейском мире чувствуется безнадежная и роковая исчерпанность всех политических форм... Кризис демократии не есть кризис политический, это прежде всего кризис духовный... Торжествующая демократия не поддается воспитанию, она остается на поверхности жизни и не хочет идти вглубь» [10].

Социальные ситуации отражающие глубинные формы общественной жизни служили основополагающим базисом для построения политических и правовых теорий в уже в трудах Платона, Аристотеля, Цицерона. П.И. Новгородцев писал, что изучение процессов смены и эволюции политических формаций позволило античным философам сформулировать следующее суждение «если есть в государстве какая-то внутренняя сила, которой оно держится, несмотря на всяческие бедствия, то формы его меняются». В своей характеристике античных философско-правовых учений, П.И. Новгородцев выделил уже заложенные еще тогда категории и оценочные критерии государства и права: *общее благо и поиск оптимальных форм устройства социально-политической и юридической сфер, через понимание «внутренней силы», основы любых политико-правовых преобразований и развития государственности.*

Ментальность и государство. Любое государственное образование, совокупность политических, экономических и правовых связей, не образуется вне территории и этнической общности народа. Следуя И. Пантину «Исторические дефиниции обозначают национальную правовую ментальность как проявление исторической правовой памяти первичных субъектов правового сознания и культуры, как запечатление истории ментально структурированного правового сознания (правовая ментальность - своеобразная правовая память народа - первичного квазисубъекта правового сознания - о правовом и законодательном прошлом, психологическая детерминанта правового как правомерного поведения миллионов людей - первичных субъектов правового сознания (физических лиц), при любых обстоятельствах верных своему правовому (законодательному) коду, сложившемуся исторически» [11].

Структура момента в контексте правовой эволюции РФ и её общества отражает достаточно острую темповую фазу переходного процесса в государственном устройстве. Как с экономической точки зрения (от коллективной и государственной к частной или частично государственной собственности на средства производства), так и с правовой – от строго государственного регулирования правовых отношений к либеральному, демократическому правовому государству. Реформирование государственных структур и переход к правовым отношениям нового типа существенно осложнены экономическими пере распределительными процессами и социальным коллапсом [12].

С нашей точки зрения утверждения о том, что многовековое господство тоталитаризма на Руси выхолостило понятия свободы и прав человека в национальном правовом поле несправедливо. Напротив – чувство собственного достоинства и вера в справедливость, исконно российские черты характера (например - никогда (никогда!) Россия не была завоёвана). Но долгое время существовала глубочайшая пропасть между просвещённой частью страны - интеллигенцией (чисто русской слово) России, правящих классов, купечеством, зарождающейся буржуазией и народом. Тем самым простым народом, который после реформы 1861 года остался в растерянности в виду полного отсутствия у него не только правовой, но и вообще грамотности! Часть просвещенного российского общества (менее 10%), хорошо знающее историю эволюции цивилизации от древних шумер до бурских войн, истории покорения и освоения новых земель, греческий, латынь и основы римского права совершенно не заботилась о просвещении собственного народа. Напомним и о контрастном различии сословного состава Российской

империи и, например, Великобритании в конце XIX. И о несовпадении темпов развития буржуазии и демократии. По мнению Л.Н. Гумилева «российский суперэтнос на 500 лет «моложе» романо-германского». Понятно, что многие либералы и западники, увлеченные своими утопическими идеями ради идей, считали, что в России был утрачен право сознающий и право достойный субъект, он как-то «потерялся» в лабиринтах генезиса российской правовой действительности [13]. И, вникая, в детали Российской истории всё чаще задумываешься об индивидуальном цивилизационном пути России, об очевидной невозможности применения государственно правовых структур и схем западников для столь индивидуального – этнически, географически и ментально – государства как Россия.

«Русскому человеку невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение и выставляют ее непременным условием всякого гражданского развития» [14] – писал Чичерин накануне XX века и век спустя А.С. Панарин «проблема либерализма на Западе и проблема либерализма в России – это, по сути, две разные проблемы. На Западе это проблема, вписывающаяся в цивилизационный контекст, в России же она в этот контекст не вписывается» [15, с.125]. А изучение «чужих культур может быть чрезвычайно важным для самопознания, понимания мира и практических отношений [16]. Но во всем этом мы понимаем и утверждаем только самих себя, формируем, сколько бы мы ни приспособлялись к чужим культурам и как бы ни воспринимали их, только самих себя такими, как мы сложились и создавались в течение тысячелетий. Надо иметь мужество признать свою историческую судьбу, ибо нам не удастся выпрыгнуть из нашей исторической кожи» [15, с.126].

Именно поэтому всестороннее исследование правовых структур, возникающих в государстве Российском от момента её возникновения через века до настоящего структурного момента, с учетом разнообразных цивилизационных влияний соседей и завоевателей, суровой и разнообразной природы и климата, специфического влияния Византии на церковь, веру, мировоззрение и философию россиян, их отношение и соотношение с другими конфессиями, представляется исключительно важным для создания современного проекта России. Конечно, следуя совету В.Э.Багдасаряна, высказанному на постоянно действующем семинаре «Феномен русской власти: преемственность и изменение» в 2008 году, «нельзя допустить, чтобы рассуждения о специфичности российского исторического пути вышли за грань, когда они приводят к рассуждению об аномальности России» [30, с. 97].

Российская политико-правовая парадигма. Этот вопрос блестяще изучен классиками российской правовой мысли (Булгаков, Бердяев, Ильин, Сороки, Струве и другие), столкнувшимися с революционными коллизиями в России начала XX века. Но не исчерпан. Парадигма – «универсальный метод принятия эволюционных решений, гносеологическая модель эволюционной деятельности.» - само определение этого понятия исключительно точно подходит к описанию эволюции процесса само осознания – как личностного, так и правового – российского национального характера, характера управления – взаимодействия – правителя и объекта права (или бесправия) в России. Безусловно, закон в сути своей, основывается на естественном праве (или если совсем упрощенно на 10 заповедях). Мифологические образы и утопии также сказались на формировании правового менталитета «проникли не только те или иные языковые формулы и конструкции, но и наиболее устойчивые и глубокие мифологические образы и представления древних славян о порядке гармонии и дисгармонии, нарушении порядка и его восстановлении, о деянии и воздаянии, норме, обычае и последствиях их нарушения, т.е. все то, что может рассматриваться как некий пред-

правовой материал... из которого складывались *юридические традиции*. [16]. Российская законодательная система также имеет глубокие корни в христианской морали, но отягощаясь жизненными реалиями, приобретает черты той или иной политической системы, ею ангажируется. Интересно точка зрения В.Э.Багдасаряна «Необходимость самовласти и прелести кнута» на том же семинаре [30, С. 97]. С его точки зрения категория «власть» в России имеет совсем иной смысл, чем в западных странах, и предлагается термин «центроверх». Особое значение здесь имеет тот факт, что политическое и правовое становление и эволюция государства Российского происходила в контексте коллизии Европы и Азии, по сути в исторической реке времени Евразии. И по остроумному замечанию В.Ф.Туганова «властные институты России сформировались как ответ на евразийский степной вызов» [30, С. 103].

Формирование государства в сложных климатических и географических условиях также оказало практическое и психологическое воздействие на формирование и правового менталитета и политической структуры государства. Ландшафт и климат влияют на хозяйство народа, а через хозяйство — на общество и политический строй. Вынужденные самоограничения, связанные со стихийными пертурбациями, зачастую требовали правового урегулирования и четкого управления в борьбе со стихией (многие авторы видят в суровом климате частичные предпосылки возникновения самодержавия).

Совершенно особым источником, неожиданно сохранившим свое влияние на российский менталитет, оказалась языческая религия, существовавшая до крещения Руси. Здесь стихийные отзвуки естественного права проявляются в интуитивно и неосознанно формирующих мировоззрение и социальные отношения понятиях «Правда», «Кривда», «суд», «ряд», «Правь» и др. «Правь» — это одна из трех (Явь, Навь) древнерусских составляющих вселенной, соответствующих понятию истины или законов и регулирующей *реальный мир* (Явью, а не Навью — миром потусторонним). Влиянию языческих верований и традиций на формирование российского социума и его правового менталитета к сожалению пока не уделялось достаточно внимания. (кроме работ А.П. Семитко) Хотя очевидно присутствие языческих мифологических персонажей даже в современном фольклоре и быту. Но, в отличие от эллинов и римлян, основателей западной правовой культуры [17], славянские божества не жили человекоподобной жизнью — не составляли образцов для подражания, ролевых моделей. Славянские боги олицетворяли явления природы (уж больно сурова она была к ним, не Эгейское или Ионическое море). Они пугали, их умоляли о милосердии... Но у славян не появилось «предправовых (мифических) прецедентов» [16], так ярко выраженному у древних эллинов [18]. «Латинское слово «юстиция» (justitia), прочно вошедшее во многие языки, в том числе и в русский, переводится на русский язык то как «справедливость», то как «правосудие», хотя, по существу, речь идет об одном и том же понятии... Кстати, все эти аспекты правового смысла справедливости нашли адекватное выражение в образе богини справедливости Фемиды с Весами Правосудия. Используемые при этом символические средства... весьма доходчиво отражают верные представления о присущих праву (и справедливости) общности, императивности, абстрактно-формальном равенстве...» [19], [20].

Однако, не следует забывать, что Россия всё-таки Европа. Ее историческое развитие происходило при существенном взаимодействии и взаимовлиянии цивилизационном, политическом и экономическом с западноевропейскими странами.

В сознании русского народа, сформированного сказаниями и мифами не сложилось четкого разделения, подобного существовавшему в Древней Греции и Риме, правовой ответственности между отдельными

божествами (жена Зевса (статус понятия «правосудие» в сознании эллинов!!!!) Фемиды — правосудие, и её дети Эвномия — благозаконие и Дике — справедливость). Это соответствовало более интуитивному и эмоциональному мировосприятию древних славян. Они оперировали в сознании своим более размытым и в то же время общими понятиями — Правда, Кривда, Доля. Особенности рельефа и климата древних Руссов определили их значительную зависимость от природных явлений (и божеств, ими управляющих), отводя на второй план их социальную активность. [20]. Причем. Отношения русского человека как в древности, так, пожалуй, и по сей день, к Богу отличное и от западной модели и от восточной. Русский человек сознаёт себя «твореньем» божьим. Но будущи сотворен по образу и подобию отца своего, чувствует себя потомком господина. И не было на Руси поклонения Богу, унижающего сынов его, а единение с Богом. Природой, всем миром. Может в этом и кроется специфика самодержавия на Руси: с одной стороны, это объективная реальность, требующая жесткого единоначалия — трудности климата, обширность территории, геополитических ситуаций, а с другой — вера и преданность правителю, который как божий помазанник, детей своих в обиду не даст. (От «Отче наш», до «Царь-батюшка»). Отсюда и верность семейно-родовым традициям, развившаяся в *устойчивости патриархально-соборных основ восприятия*.

Для нас особый интерес представляет так называемый государственный период. Среди многих исследователей, занимавшихся этим периодом, наибольшим авторитетом пользуются позиции С.М. Соловьева и Л.Н. Гумилева [22, 23, 24].

Взгляд Соловьёва на историю государства Российского соединил в себе «три великие инстинкта русского народа, без которых этот народ не имел бы истории, — его политический, религиозный и культурный инстинкты, выразившиеся в преданности государству, в привязанности к церкви и в потребности просвещения». Он не стратифицирует историю России, а рассматривает как некоторый непрерывный процесс (река времени непрерывна), никакие политические катаклизмы не могли прервать «естественную нить событий, приведших к возникновению Российского государства, что и произошло, следуя Соловьёву не ранее XIV века [24].

Гумилев же, в своей последней работе «От Руси до России: Очерки этнической истории», категорически разделял Древнерусское и Российское государство [23].

Эта концепция не нашла широкой поддержки в России. Но западные историки государства и права рассматривали её достаточно пристально. Так шведский ученый Э. Аннерс также считает, что «русское государственное устройство, которое стало развиваться сначала со времен Великого Киевского княжества... однако, было прервано в эпоху позднего Средневековья завоеванием, а затем установившимся более чем на два века (1240 — 1480) игом татар», и далее «это событие привело к серьезной дезорганизации общества; кроме всего прочего, оно отразилось на распаде правовой системы страны... Татары уничтожили систему правового регулирования социального порядка» [25, с. 284]. Ю.А.Красин, также считает необходимым учитывать существование татаро-монгольского ига среди существенных факторов влияния на правовое государственное устройство Руси [30, С. 107]. Эти утверждения свидетельствуют о том, что древнерусская система правового регулирования сохранилась, (осуществилась так называемая преемственность) и была частично встроена в систему правового регулирования Московского царства. А, следовательно, можно говорить и об устойчивости *национального правового мировидения, сохранения основ российского юридического менталитета, его проявлений и структурных элементов* даже при татаро-монгольском нашествии, приведшем к упадку Древнерусского государства.

Именно это и послужило той «скрепой», приведшей к быстрому восстановлению российской государственности, но уже на новом уровне – государства Московского.

Особенности мировосприятия русского народа, судя по историческому контексту развития российской государственности, многократно проявлялся в том, что принято называть *социально-регулятивной функцией*. Именно это всегда позволило России возрождаться из руин и пепла, народу объединяться, сохраняя индивидуальную самобытность, демонстрируя духовное единство и отстаивая суверенитет. Это характерное свойство менталитета позволяет отстаивать правомерность теории непрерывной эволюции Российской государственности, преемственность различных этапов её правовой структуры и, целостность национального правового сознания [28].

История показала существенные, глубинные различия этих юридических и ментальных парадигм. Несмотря на первоначальную открытость древней Руси Византийским традициям – принятию древнерусских церковных законов – Номоканона, Кормчей Книги, Византийское право не прижилось на Руси «Византийская традиция не сформировала Московское царство ни в политическом, ни в юридическом, ни в идеологическом отношении. Поэтому и теория «Москва – Третий Рим» оказалась всего лишь мифом XIX столетия... а гипотеза о преемстве появилась в имперском русском само представлении, начиная с XVIII в., и была, часто без всяких ограничений и достаточных оснований, перенята многими западными исследователями» [29, с. 117]. Правовые акты, заимствованные из Византийского права, перерабатывались согласно русским обычаям и княжескому праву порою до неузнаваемости.

Заключение. Фактически, российский правовой менталитет является примером подлинного, оригинального, социального и культурного феномена. Но то же может сказать и о любой другой национальной ментальности. Точно так же в биологическом сообществе не существует двух подобных существ; в мире правового пространства нет двух идентичных менталитетов и правовых систем.

Российский правовой менталитет как и правовая система является национальным правовым и культурным явлением. Континентально-европейский стиль правового мышления стал фундаментальный элементом правового порядка страны и оказал фундаментальное воздействие на формирование правового менталитета.

Направление вектора развития национальной правовой системы и менталитета имеет турбулентный характер. За долгую историю своего существования Россия неоднократно испытывала процессы «деиерархизации» собственной правовой системы, процессы, связанные прежде всего с пересечением точки бифуркации, судорожные изменения в правовой системе, обусловленные политическими землетрясениями, как, например, в октябре 1917 года и в 90-е годы XX века.

В настоящее время наблюдается тенденция к стабилизации системы национальной правовой базы России; современные оптимистичные прогнозы на будущее развитие правового государства Российская Федерация основываются на исключительно эволюционных преобразованиях ее правовой системы, и российский национальный правовой менталитет – его глубина и разносторонность – будет всемирно признан и высоко оценен мировым юридическим сообществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1997. 385 с.
2. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. 447 с.
3. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. 728с.
4. Алексеев С.С. Государство и право: начальный курс. М., 1994. 127 с.

5. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2000. 610 с.

6. Ильин И.А. О русской идее / Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. 476 с.

7. Динцельбахер И. История ментальности в Европе. Очерки по основным темам. // История ментальностей. Историческая антропология. – М.: РАН. РГГУ, Институт Всеобщей истории, 2011. – 587 с.

8. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Правовой менталитет как основание исследования национального права и публично-властной организации в XXI веке. // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 444-447.

9. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.

10. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. 1990, № 1.

11. Пантин И.К. 2015. Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. М.: Летний сад. 294 с.

12. Любашиц В.Я., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Вронская М.В. Социокультурная парадигма исследования государственной власти. // В книге: Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки Москва : Уфа : Ростов-на-Дону, 2015. С. 68-73.

13. Мордовцев А.Ю., Мордовцева Т.В. Правовой менталитет в национальном культурном пространстве: особенности эпохи преобразований (на примере старобрядческих сочинений XVII в.) //Advances in Law Studies. 2016. Т. 4. № 4. С. 330-340.

14. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. 449с.

15. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. 496 с.

16. Мамычев А.Ю., Уханов А.Д. Социокультурное измерение институциональных и функциональных характеристик публично-властных отношений. //Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 3 (38). С. 144-155.

17. Яковюк И.В., Мамычев А.Ю., Шестопад С.С. Европейский союз сквозь призму имперской модели власти. // Право и политика. 2016. № 12. С. 1473-1481.

18. Невельская-Гордеева Е.П., Шестопад С.С. Логические основания судебного доказывания // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2015. № 4 (31). С. 136-143.

19. Невельская-Гордеева Е.П., Шестопад С.С. Особенности применения умозаключений по аналогии в судебной аргументации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. Т. 8. № 2 (33). С. 76-83.

20. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009. 320 с.

21. Мамычев А.Ю., Качурова С.В., Шестопад С.С. Социокультурные (архетипические) основы трансформации публично-властной организации: формы и направления. // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 375-380.

22. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. 435с.

23. Гумилёв Л.Н. От Руси до России : очерки этнической истории. - Москва : Айрис-Пресс : Рольф, 2000. - 318 с.

24. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. 530 с.

25. Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. 320 с.

26. Конституционное право: учебник / Под общей ре-

дакцией П.П. Баранова, А.Ю. Мамычева. Москва : Сер. Бакалавриат, 2017.

27. Shestopal S.S., Lyubashits V.Y., Astakhov V.V., Pismennaya E.E., Ryazantsev S.V., Fedulov A.M., Barsukov P.V. Features of Building Control Systems Sub-locality in Modern Russia // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № S1. С. 78-83.

28. Симон Г. Мертвый хватает живого. Основы политической культуры России // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997. 219 с.

29. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. 785с.

30. Феномен русской власти: преемственность и изменение. Материалы постоянно действующего научного семинара. Выпуск №3(12). М. Научный эксперт 2008.- 160с.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-00034 (а1)

Статья поступила в редакцию 14.09.2017

Статья принята к публикации 24.12.2017